

ТВОРЧЕСТВО Л.Н. ТОЛСТОГО В ИСТОЛКОВАНИИ И.В. СТРАХОВА

Аннотация. В статье рассматриваются основные положения книги И.В. Страхова «Психология литературного творчества», посвященной изучению творчества Л. Н. Толстого. Особое внимание автор уделяет трактовке таких понятий, как «психологический реализм», «формы психологического анализа», характер, психологическая концепция Толстого.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, художественное произведение, психологический реализм, психологический анализ, характер.

CREATIVITY BY L.N. TOLSTOY IN INTERPRETATION BY I.V. STRAKHOV

Abstract. The article is analyzed the main provisions of the book by I.V. Strakhov «Psychology of literary creativity», dedicated to the study of creativity by L.N. Tolstoy. Special attention is paid to the interpretation of concepts such as «psychological realism», «forms of psychological analysis», character, psychological concept by Tolstoy.

Keywords: L.N. Tolstoy, a work of art, psychological analysis, psychological realism, character.

Центральное место в научном наследии И.В. Страхова занимают проблемы психологии литературного творчества. Его интересовал не только сам процесс творчества, но и психологическое исследование русской литературы — т.е. продуктов словесного творчества. В научной психологической традиции к литературным произведениям обращались преимущественно в поиске примеров, иллюстрирующих те или иные положения психологии. И.В. Страхов изменил эту традицию, обогатив науку ценными наблюдениями в области психологии литературного творчества, психологии языка, характерологии и даже поэтики художественной прозы.

Еще в 1925 году старший современник И.В. Страхова, известный исследователь психологии искусства Л.С. Выготский отмечал: «До сих пор психологическое исследование искусства всегда производилось в одном из двух направлений: либо изучалась психология творца, создателя по тому, как она выразилась в том или ином произведении, либо изучалось переживание зрителя, читателя, воспринимающего это произведение. Несовершенство и бесплодность обоих этих методов достаточно очевидны. <...>. Надо попытаться за основу взять не автора и не зрителя, а самое произведение искусства [1, с. 38, 39]. Такой подход был провозглашен и реализован в книге «Психология искусства», написанной в 1925 году, а впервые увидевшей свет в 1965 году. Аналогичным путем шел И. В. Страхов в своем исследовании психологии литературного творчества.

Л.С. Выготского интересовало, что делает произведение искусства художественным. «Его замысел состоял в том, чтобы, анализируя особенности структуры художественного произведения, воссоздать структуру той реакции, той внутренней деятельности, которую оно вызывает. В этом Выготский видел путь, позволяющий проникнуть в тайну непреходящего значения великих произведений искусства», — писал А.Н. Леонтьев в предисловии в книге «Психология искусства» [1, с. 7]. Предметом анализа в этом фундаментальном исследовании стали басни И.А. Крылова, рассказ И.А. Бунина «Легкое дыхание» и трагедия Вильяма Шекспира «Гамлет».

Материалом для исследований Страхова стали произведения Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, А.П. Чехова, Ф.М. Достоевского, Н.Г. Чернышевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, И.А. Гончарова, К.А. Федина и других писателей. Главный труд И.В. Страхова в области психологии литературного творчества — монография «Л.Н. Толстой как психолог», впервые опубликованная в 1947 году в серии «Ученые записки Саратовского педагогического института» [2]. Книга вышла маленьким тиражом и оказалась не замеченной научной общественностью. Это спасло ее автора: ведь исследование явно не вписывалось в марксистско-ленинскую парадигму мышления, оно совершенно лишено идеологизирования; методология и язык его более близки дореволюционной науке, чем советской.

Тот факт, что через пятьдесят лет, в 1998 году, этот труд, названный «Психология литературного творчества» с подзаголовком «Л.Н. Толстой как психолог», переиздавался в серии «Психологи отечества» (Избранные психологические труды в 70-ти томах) [3], говорит о его актуальности для нашего времени и непреходящей научной ценности. «Являясь значимым свидетельством ушедшей эпохи, — говорится в предисловии, — и в наши дни эта книга может служить хорошим примером и отправной точкой для дальнейших теоретических исследований в области литературного творчества и психологии творчества в целом. Кроме того, монографию И.В. Страхова можно использовать как своеобразный путеводитель по произведениям Л.Н. Толстого. <...> монография будет хорошим подспорьем в работе не только для психологов, но и для филологов», — справедливо считают авторы вступительной статьи С.А. Богданчиков и В.И. Страхов [3, с. 17].

Основная проблема монографии «Л.Н. Толстой как психолог», сформулированная ее автором, — «исследование “диалектики души” в творчестве Толстого, его глубоких психологических открытий в художественном познании душевной жизни» [3, с. 2]. Для решения данной проблемы потребовалось доскональное изучение психологической концепции Толстого, выраженной в его наследии: художественном творчестве, эпистолярной, мемуарах, публицистике и, конечно же, в дневниковых записях писателя, которые, как известно, велись на протяжении всей его жизни.

В монографии анализируются различные формы *душевной* (*курсив мой — Л. Ч.*) жизни, изображенные в произведениях Л.Н. Толстого: внутренние монологи, язык чувств, выразительные черты характера, сновидения, восприятие образов природы. Обращает на себя внимание терминологическое обозначение: в работе обычно используется понятие «душевная жизнь», «душа», а не «психика». Видимо, здесь сказываются духовные корни ученого, отец которого был священником, а также его мировоззренческая позиция.

«Психологические взгляды Толстого, — отмечает Страхов, — охватывают широкий круг проблем и объединяются в единой центральной и наиболее интересующей писателя проблеме характера» [3, с. 18]. Ученый точно уловил и сформулировал особенности толстовской характерологии и главное в ней — понимание текучести, переменчивости характера и в то же время «единства и устойчивости характера в его индивидуальной определенности» [3, 20]. Описанию толстовской характерологии посвящена отдельная глава книги «Характер и его устойчивые выразительные черты».

Страхов обращает внимание на один из способов художественного изображения персонажей в творчестве Толстого — подчеркивание доминантного признака, который многократно повторяется в тексте («самодовольная улыбка» Николеньки Иртеньева, подергивание плечом его отца, закатывание глаз Карлом Ивановичем, «неестественный смех» княгини, подвижная верхняя губка княгини Болконской, лучистые глаза княжны Марьи, «круглость» облика Платона Каратаева и др.). Этот прием был замечен еще прижизненной критикой (например, в статьях П.В. Анненкова), неоднократно на него указывали исследователи творчества Толстого применительно к роману «Война и мир», и, как правило, такие указания носили иллюстративный характер.

Страхов проследил широту распространения приема выделения устойчивого выразительного признака характера в творчестве Толстого, начиная от первых автобиографических повестей «Детство», «Отрочество», «Юность» и завершая «романом из современной жизни» «Анна Каренина». Исследователь задает ряд вопросов, которые раскрывают особенности его подхода и глубину проводимого анализа: «каково конкретное содержание выделяемых писателем признаков; в чем заключаются их художественно-психологические функции; каково соотношение этого способа изображения с другими способами характеристики персонажей?» [3, с. 199]. Сама постановка вопросов говорит о филологическом мышлении ученого-психолога, способного постичь «идейно-психологическую насыщенность и символизацию» деталей в произведениях Толстого [3, с. 233].

Художественный метод познания Толстым душевной жизни И.В. Страхов очень точно называет *психологическим реализмом*. Правда, проявление этого метода видит преимущественно во внутренней речи персонажей. Между тем психологический реализм — всеобъемлющее понятие, характеризующее твор-

чество Толстого. В монографии вообще не встречается понятий «критический реализм», тем более «социалистический реализм», столь важных для литературоведения советской эпохи. Думаю, здесь сказались научная проницательность и смелость ученого.

«Изображение сознания человека через внутренние монологи, — пишет Страхов, — является одной из главных форм психологического анализа Толстого. Психологизм творчества Толстого, его художественный гений как писателя-психолога, находит яркое выражение в характеристике душевной жизни человека посредством таких монологов. Не подлежит сомнению, что стиль внутренних монологов отражает психологическое своеобразие личности самого Толстого <...>. Богатая по своему идейно-психологическому содержанию внутренняя жизнь Толстого и его исключительное умение наблюдать эту жизнь в самом себе, замечательное развитие самонаблюдения — такова ближайшая психологическая основа стиля внутренних монологов, сказавшаяся и в других сторонах его творчества» [3, с. 122-123].

С точки зрения Страхова, психологический реализм Толстого проявляется прежде всего в разработке характеров и включает в себя такие особенности, как «отказ от упрощения, односторонности и схематизма в изображении сложного мира психических явлений, стремление отобразить специфические, сугубо индивидуальные формы поведения, подчеркивание наиболее существенных деталей в описании с помощью их многократного повторения и варьирования, показ внешнего и внутреннего планов поведения в их взаимопереходах и взаимосвязи» [3, с. 16].

В более поздних статьях, возвращаясь к переосмыслению и интерпретации психологии литературного творчества Л.Н. Толстого, ученый расширил характеристику «психологического реализма» писателя, включив в нее разработку Толстым различных «форм психологического анализа, воплощенных в его художественных произведениях» [4: электронный ресурс], что повлекло за собой подлинные психологические открытия в познании человека. «Его психологический реализм выражался и в оригинальных психологических воззрениях на характер человека, существенно отличавшихся от принятых в то время психологических взглядов в их научном и художественном выражении.<...> Пластичность образов-характеров, созданных Л.Н. Толстым, их внешних портретов и глубокое проникновение в духовный облик привели к тому, что читатели воспринимают его героев как живых, действительно существующих людей, обрисованных в исторической и психологической правдивости, во всей их сложности, цельности или противоречивости» [4: электронный ресурс].

Психологический анализ в произведениях Л.Н. Толстого, по утверждению И.В. Страхова, имеет двоякую направленность: «предметом анализа являются внешние экспрессивные особенности психических процессов и состояний и сами процессы и состояния в их психологическом своеобразии, их структура и

динамика» [5, с. 54].

В формах психологического анализа Толстого проявляется его умение находить психологический подтекст в каждом движении, психологически аргументировать невербальные формы общения, выражение чувств в мимических знаках и других выразительных движениях, выявлять их психологическую определенность или многозначность в данной сюжетной ситуации.

Часто писатель прибегает к описанию чувств через внешний облик, телесную выразительность. «Эти внешние, экспрессивно-моторные знаки чувства приобретают в его произведениях значение специфического языка чувств. В художественном выражении чувств таким методом, — пишет Страхов, — Толстой не имеет себе равных в русской классической и западной литературе» [3, с. 143]. «Реалистическая конкретность художественной наблюдательности Толстого отчетливо сказывается в изображении различных эмоциональных состояний путем описания экспрессивно-динамической формы чувства, его внешнего физического облика. <...> Психологическая картина чувства оттеняется самыми разнообразными физическими признаками — мимическими, голосовыми, общим двигательным беспокойством или торможением, сердечными и дыхательными изменениями» [3, с. 155]. Например: чувство любви изображается так: «сердце билось, как голубь, кровь беспрестанно прилиwała к нему, и хотелось плакать»; «она покраснела, побледнела, опять покраснела и замерла, чуть вздрагивая губами, ожидая его. Он подошел к ней, наклонился и молча протянул руку»; чувство гнева: «видимо, что-то вдруг изменилось в чувствах княжны; тонкие губы побледнели (глаза остались те же), и голос, в то время как она заговорила, прорывался такими раскатами, каких она, видимо, сама не ожидала».

Комментируя многочисленные примеры из произведений Толстого, Страхов делает вывод о том, что при изображении сильных чувств писатель всякий раз находит характерные физические черты, «оттеняя таким образом различные степени и видоизменения выразительности» [3, с. 156].

Методика исследования форм психологического анализа в художественной литературе, разработанная И.В. Страховым, является чрезвычайно продуктивной и сулит немало интересных открытий. Так, ее применение в «детском» творчестве Толстого позволило увидеть отличительную особенность психологического анализа в произведениях для детей — преимущественное использование формы «психологического анализа извне» [5, с. 60], что обусловлено ориентацией на маленького читателя. Это освободило прозу для детей от излишней описательности, сделав ее более динамичной и вместе с тем глубоко психологичной.

В 1960 году, выступая на конференции психологов, Б.М. Теплов посетовал на то, что работы, подобные монографии Страхова «Толстой как психолог», (1947) «остаются одиночными и никак не оцененными» [3, с. 9]. К сожалению, в настоящее время ситуация практически не изменилась. Воистину «несть проро-

ка в отечестве своем».

Список использованной литературы и источников

1. Выготский Л.С. Психология искусства. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Искусство, 1968. 345 с.
2. Страхов И.В. Л. Н. Толстой как психолог // Ученые записки Саратов. пед. ин-та. Вып. 10. Кафедра психологии. Саратов, 1947. 316 с.
3. Страхов И.В. Психология литературного творчества. Л.Н. Толстой как психолог. М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1998. 384 с. (Серия «Психологи отечества»).
4. Страхов И.В. Психологический анализ в творчестве Л.Н. Толстого // http://md-eksperiment.org/etv_page.php?page_id=3718
5. Страхов И.В. Психология творчества. Саратов: Объединение «Полиграфист», 1968. 77 с.